

Имплементация международных антикоррупционных стандартов, касающихся уголовной юрисдикции, в российское законодательство

Аннотация. Статья посвящена вопросам имплементации в российское законодательство международных антикоррупционных стандартов, уголовной юрисдикции. Дается определение термина «международные антикоррупционные стандарты». Проводится анализ соответствия российского законодательства юрисдикционным обязательным и диспозитивным нормам, содержащимся в основных заключенных в рамках ООН и ОЭСР антикоррупционных международных договорах Российской Федерации. Сформулированы конкретные предложения по регламентации в Общей части УК РФ вопросов разрешения коллизий юрисдикции Российской Федерации и иностранных государств, определения наиболее подходящей юрисдикции для уголовного преследования с целью возможно более эффективного осуществления правосудия при обеспечении прав потерпевших. Кроме того, предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 12 УК РФ с целью устранения ситуации, когда наше государство должно в одностороннем порядке и безоговорочно признавать иностранные приговоры.

Ключевые слова: коррупция; международное сотрудничество; международные антикоррупционные стандарты; определение; имплементация; международный договор; ООН; ОЭСР; СНГ; международные политические акты; уголовная юрисдикция; преступление; юрисдикционные обязательства; Уголовный кодекс; признание иностранного приговора.

Для цитирования: Зимин В. В. Имплементация международных антикоррупционных стандартов, касающихся уголовной юрисдикции, в российское законодательство // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 3. — С. 150–159. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.150-159.

Implementation of International Anti-Corruption Standards Regarding Criminal Jurisdiction in Russian Legislation

Vladimir V. Zimin, Assistant to the Golovinsky Interdistrict Prosecutor of Moscow
Leningradsky prospect, d. 45, korp. 3, Moscow, Russia, 123167
vlapezim53@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the issues of implementation in the Russian legislation of international anti-corruption standards, criminal jurisdiction. The definition of the term «international anti-corruption standards» is given. The author analyzes the compliance of Russian legislation with jurisdictional mandatory and dispositive norms contained in the main anti-corruption international treaties of the Russian Federation concluded within

© Зимин В. В., 2022

* Зимин Владимир Владимирович, помощник Головинского межрайонного прокурора г. Москвы
Ленинградский пр-т, д. 45, корп. 3, г. Москва, Россия, 123167
vlapezim53@rambler.ru

the framework of the UN and the OECD. Particular proposals are formulated for the regulation in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation of the issues of resolving conflicts of jurisdiction between the Russian Federation and foreign states, determining the most appropriate jurisdiction for criminal prosecution in order to more effectively administer justice and ensure the rights of victims. In addition, it is proposed to amend Part 1 of Art. 12 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to eliminate the situation when our state must unilaterally and unconditionally recognize foreign sentences.

Keywords: corruption; international cooperation; international anti-corruption standards; definition; implementation; international treaty; UN; OECD; CIS; international political acts; criminal jurisdiction; crime; jurisdictional obligations; Criminal Code; recognition of a foreign judgment.

Cite as: Zimin VV. Implementatsiya mezhdunarodnykh antikorrupsionnykh standartov, kasayushchikhsya ugovnoy yurisdiksii, v rossiyskom zakonodatelstve [Implementation of International Anti-Corruption Standards Regarding Criminal Jurisdiction in Russian Legislation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(3):150-159. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.150-159. (In Russ., abstract in Eng.).

Коррупция представляет угрозу демократии, верховенству закона, правам человека, социальной справедливости, авторитету и стабильности институтов власти и моральным основам общества. Кроме того, она причиняет значительный ущерб социальному и экономическому развитию стран и народов, тормозит достижение целей устойчивого развития. В частности, в докладе Международного валютного фонда «Коррупция: потери и стратегии по смягчению остроты проблемы» (2016 г.) масштабы одного лишь взяточничества оценивались в 1,5–2 трлн долл. США ежегодно, что составляло почти 2 % мирового ВВП¹.

Ни одно общество и ни одна страна не обладают иммунитетом от коррупции, которая признана одной из глобальных проблем современности. Коррупция, существующая в какой-либо одной стране, может негативно сказываться и на развитии других стран (например, в случаях подкупа иностранных должностных лиц).

Эффективное противодействие коррупции в целом можно осуществлять только за счет рационального сочетания внутригосударственных

(национальных) и международных усилий при взаимодействии большинства членов международного сообщества. Отметим при этом, что противодействие коррупции практически постоянно находится на повестке дня большинства универсальных, трансрегиональных и региональных (субрегиональных) международных организаций (объединений, форумов).

За прошедшее время в мире на международном уровне принято более сотни нормативных актов (документов) различного характера, направленных на противодействие коррупции как глобальной проблеме.

Актуальность решения глобальной проблемы коррупции подтверждается и тем, что, несмотря на пандемию COVID-19, Генеральная ассамблея ООН впервые провела 2–4 июня 2021 г. специальную сессию, посвященную «вызовам и мерам в сфере предупреждения коррупции, борьбы с ней и усиления международного сотрудничества», и приняла по обсуждавшимся вопросам развернутую Политическую декларацию, содержащую ряд антикоррупционных обязательств².

¹ См.: Corruption : Costs and Mitigating Strategies : Staff Discussion Note. № 16/05, May 11, 2016. P. 5 // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2016/12/31/Corruption-Costs-and-Mitigating-Strategies-43888> (дата обращения: 01.06.2021).

² См.: Политическая декларация «Наша общая приверженность эффективному решению проблем и осуществлению мер в сфере предупреждения коррупции, борьбы с ней и усиления международного сотрудничества» (принята 02.06.2021 Резолюцией S-32/1 32-й специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН, посвященной вызовам и мерам в сфере предупреждения коррупции, борьбы с ней и усиления международного сотрудничества ; документ A/RES/S-32/1, 7 June 2021) // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/S-32/1> (дата обращения: 15.07.2021).

В научной и учебной литературе, публицистике, а также официальных актах, в том числе нормативных, широко используется заимствованный из англоязычной литературы термин «международные антикоррупционные стандарты»³. При этом ни в зарубежной или отечественной литературе, ни на международном уровне не имеется общепризнанного определения этого термина, что не способствует единообразному пониманию официальных документов и позиций авторов публикаций⁴.

В связи с этим необходимо сформулировать определение понятия «международные антикоррупционные стандарты», определить их формальные источники и механизмы имплементации, прежде всего через их инкорпорацию в отечественное уголовное законодательство, в антикоррупционное превентивное законодательство, в том числе с учетом процессов сближения и унификации уголовно-правовых норм в рамках Союзного государства (России и Беларуси), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Совета Европы, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

По нашему мнению, под международными антикоррупционными стандартами следует понимать нормы императивного характера, касающиеся борьбы с коррупцией, которые содержатся в источниках международного права и международных политических актах, обязательных для соответствующих субъектов международного права⁵. Соответственно, применительно к нашей стране международные антикоррупционные стандарты можно определить как *нормы императивного характера, касающиеся борьбы с коррупцией, содержащиеся в источниках международного права и международных политических актах, обязательных для Российской Федерации*⁶.

Только в отношении обязательных международных норм (стандартов) можно говорить о необходимости (а не о желательности) их соблюдения (выполнения) государствами, которым они адресованы, о мониторинге их соблюдения (выполнения) и ответственности (международно-правовой или международной политической, в зависимости от случая) государств за невыполнение ими таких норм (стандартов).

³ Отметим, что понятие «антикоррупционный стандарт» раскрывается в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции» (СПС «КонсультантПлюс»). Согласно его ст. 7 антикоррупционный стандарт — это единая система запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в соответствующей области. Вызывает сомнение корректность данного определения, поскольку, по нашему мнению, стандартом может быть и один запрет, одно ограничение или дозволение. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что лишь установлением антикоррупционного стандарта (стандартов) обеспечивается предупреждение коррупции в соответствующей области общественных отношений.

⁴ См., например: *Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я.* Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 5–12 ; Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации : монография / С. В. Борисов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2015 ; Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : монография : в 2 т. / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. М. : Проспект, 2019. Т. 1 ; *Федоров А. В.* Перспективы применения антикоррупционных стандартов ОЭСР в уголовном законодательстве Российской Федерации. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2015 ; *Черепанова В. А.* Международные антикоррупционные стандарты: классификация, оценка эффективности, дальнейшие перспективы развития // Аудитор. 2017. № 9. С. 48–57.

⁵ Подробнее см.: *Зимин В. В.* Международные антикоррупционные стандарты: понятие, источники и обеспечение соблюдения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 14–18.

⁶ К таковым, например, относятся решения, принятые в рамках «Группы двадцати», БРИКС, ФАТФ, АТЭС и ОБСЕ.

К числу основных международных договоров, непосредственно посвященных борьбе с коррупцией, участником которых является Россия (далее — международные договоры Российской Федерации), относятся следующие четыре многосторонних договора (так называемая «большая четверка»):

- 1) заключенная в рамках ОЭСР Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г. (далее — Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц)⁷;
- 2) разработанная под эгидой Совета Европы Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (далее — Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию)⁸;
- 3) Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г. (далее — Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности)⁹;
- 4) Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. (далее — Конвенция ООН против коррупции)¹⁰.

В международных антикоррупционных стандартах затрагиваются уголовно-правовые вопросы, касающиеся понятийного аппарата, юрисдикции, криминализации, пенализации, учета иностранных приговоров для установления рецидива, давности уголовного преследования, мер предупреждения коррупции.

В научных публикациях о выполнении в России требований международных антикоррупционных стандартов поднимаются в основном вопросы, связанные с Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации (криминализация и санкции), при этом остаются в стороне обязательства, затрагивающие Общую часть.

Что касается отражения международных антикоррупционных стандартов в Общей части УК России, необходимо прежде всего проанализировать проблемы юрисдикции. Это связано с тем, что коррупционные схемы становятся все более изощренными, а связанные с ними деяния зачастую совершаются в разных странах. Данное обстоятельство создает для следственных и прокурорских органов трудности в процессе уголовного преследования по многим делам о коррупции.

Как следствие, различные формы международного сотрудничества приобретают важное значение для успешного расследования и уголовного преследования по таким делам. Например, норма, касающаяся подкупа иностранного должностного лица, закреплена в УК России во исполнение конвенционных обязательств.

Поскольку уголовные дела о преступлениях вне пределов России возбуждаются, если они совершены российскими гражданами или в отношении лиц, совершивших преступление против России или ее граждан, для исполнения международных обязательств в этом плане у нас нет препятствий. Не возникает проблем в случае, если иностранное должностное лицо подкупается на территории России. По общему правилу ответственности, согласно УК России, подлежит любое физическое лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации — будь это российский гражданин, иностранный гражданин или лицо без гражданства.

Определенный интерес представляют положения «четверки» основных антикоррупционных конвенций, касающиеся уголовной юрисдикции.

Рассмотрим для примера положения ст. 42 «Юрисдикция» Конвенции ООН против коррупции¹¹. В пунктах 1 и 3 этой статьи содержится традиционный для антикриминальных до-

⁷ СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1899.

⁸ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.

⁹ СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

¹⁰ СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

¹¹ Отметим при этом, что положения ст. 42 «Юрисдикция» Конвенции ООН против коррупции в основном сходны с положениями ст. 15 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и ст. 17 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

говоров перечень обязательств по установлению уголовной юрисдикции (территориальной, по лицам и ситуационной):

«1. Каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы установить свою юрисдикцию в отношении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, когда а) преступление совершено на территории этого государства-участника или б) преступление совершено на борту судна, которое несло флаг этого государства-участника в момент совершения преступления, или воздушного судна, которое зарегистрировано в соответствии с законодательством этого государства-участника в такой момент.

3. ...Каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы установить свою юрисдикцию в отношении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, находится на его территории, и оно не выдает такое лицо лишь на том основании, что оно является одним из его граждан».

При ратификации Конвенции ООН против коррупции Российская Федерация сделала заявление о том, что она обладает юрисдикцией в отношении деяний, признанных преступными согласно ст. 15, п. 1 ст. 16, ст. 17–19, 21 и 22, п. 1 ст. 23, ст. 24, 25 и 27 Конвенции, в случаях, предусмотренных п. 1 и 3 ст. 42 Конвенции¹². Кстати, именно исключив из приведенного перечня ст. 20 «Незаконное обогащение», Россия

фактически сделала оговорку о неприменении данной статьи¹³.

В принципе юрисдикционные обязательства России, вытекающие для нее из основных антикоррупционных договоров, охватываются положениями ст. 11 «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации» и 12 «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации» УК России.

Следует также отметить, что антикоррупционные договоры Российской Федерации, устанавливая как императивные, так и диспозитивные нормы об уголовной юрисдикции, не исключают возможности осуществления государствами-участниками любой уголовной юрисдикции в соответствии с их внутренним правом¹⁴.

Однако в указанных конвенционных статьях о юрисдикции есть и нормы диспозитивного характера. Вновь обратимся к ст. 42 Конвенции ООН против коррупции (ее п. 2 и 4):

«2. При условии соблюдения статьи 4 настоящей Конвенции государство-участник может также установить свою юрисдикцию в отношении любого такого преступления, когда а) преступление совершено против гражданина этого государства-участника; или б) преступление совершено гражданином этого государства-участника или лицом без гражданства, которое обычно проживает на его территории; или с) преступление является одним из преступлений, признанных таковыми в соответствии с п. 1 (b) (ii) ст. 23 настоящей Конвенции, и совершено за

¹² См.: п. 1 ст. 1 Федерального закона от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

¹³ В связи с этим представляется некорректным утверждение о том, что «Российская Федерация ратифицировала Конвенцию... в полном объеме без каких-либо изъятий» и что «применительно к Российской Федерации Конвенция действует в полном объеме». См.: Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 2. С. 115.

¹⁴ См.: п. 4 ст. 17 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, п. 6 ст. 15 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, п. 6 ст. 42 Конвенции ООН против коррупции. Примером такого национального «усмотрения» является положение из ч. 1 ст. 11 УК России о том, что его действие распространяется также на преступления, совершенные на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации.

пределами его территории с целью совершения какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с п. 1 (а) (i), или (ii), или (b) (i) ст. 23 настоящей Конвенции, на его территории; или d) преступление совершено против этого государства-участника.

4. Каждое государство-участник может также принять такие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы установить свою юрисдикцию в отношении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, находится на его территории, и оно не выдает его».

Российская Федерация при ратификации этой Конвенции не сделала каких-либо заявлений и оговорок в отношении п. 2 и 4 ст. 42. Возникают вопросы: в каких случаях и каким образом применять уполномочивающие юрисдикционные нормы, содержащиеся в международных договорах Российской Федерации, в том числе антикоррупционных? Являются ли такие нормы самоисполнимыми, т.е. не требующими для их применения наличия или издания законодательного акта?

По нашему мнению, если ситуация, описанная в уполномочивающей юрисдикционной норме, содержащейся в международном договоре Российской Федерации, охватывается правилом о юрисдикции, предусмотренным ст. 11 и 12 УК России, то при необходимости это правило должно применяться в совокупности с данной международной нормой.

Если же ситуация, описанная в уполномочивающей договорной норме юрисдикционного характера, не охватывается правилом о юрисдикции, предусмотренным ст. 11 и 12 УК России, то, на наш взгляд, ее применение должно быть санкционировано должностным лицом высокого ранга, достаточного для оценки соответствия такого решения интересам правосудия, в том числе судебной перспективы уголовного преследования.

Примером такого случая может служить ситуация, изложенная в п. 4 ст. 52 Конвенции

ООН против коррупции: лицо находится на территории России, подозревается в совершении преступления, предусмотренного Конвенцией, и не выдается по запросу другого государства по какому-либо основанию для отказа, предусмотренному в применимом международном договоре или УПК России (кроме отказа в связи с российским гражданством лица, выдача которого запрошена¹⁵). В данном случае международное правило *aut dedere aut judicare* («выдай или суди»), являющееся частным отражением принципа неотвратимости ответственности, имеет не императивный, а диспозитивный характер. Россия должна (через уполномоченное должностное лицо) оценить перспективы достижения целей правосудия (в том числе возможности получения из-за рубежа доказательств, возмещения вреда потерпевшим, конфискации имущества). Думается, что такими уполномоченными должностными лицами должны быть ответственные работники Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в том числе по причине того, что она рассматривает вопросы выдачи и получает с запросами о выдаче материалы уголовного преследования лица, выдача которого запрошена.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить ст. 12 УК России ч. 4 в следующей редакции:

«4. Если международным договором Российской Федерации предусмотрено право Российской Федерации установить свою уголовную юрисдикцию в связи с преступлениями, предусмотренными в таком договоре, Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель могут дать указание или разрешить уголовное преследование против иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно на территории Российской Федерации, совершивших такие преступления вне пределов Российской Федерации».

Очевидно также, что предлагаемая новелла требует и своей процессуальной регламентации (в УПК России).

Кроме того, в международных антикоррупционных договорах Российской Федерации име-

¹⁵ В таком случае наступает обязательство привлечь к уголовной ответственности, вытекающее из п. 3 ст. 42 Конвенции.

ются нормы, касающиеся коллизии уголовной юрисдикции.

В делах о трансграничном подкупе могут возникать сложные *юрисдикционные коллизии*, связанные с конкуренцией юрисдикций (территориальной, по лицам, ситуационной) нескольких государств в отношении не только нескольких физических лиц, которые к тому же могут иметь различное гражданство и находиться на территории различных государств, но и юридических лиц (с разными государствами регистрации). Это может существенно осложнять процесс уголовного и/или административного расследования и возможного гражданско-правового разбирательства, поскольку в принципе каждое конкурирующее государство заинтересовано в осуществлении национального правосудия с вытекающими из этого возможностями компенсации ущерба, конфискации активов, полученных от коррупции, возмещения ущерба потерпевшим и наложения штрафных санкций, которые могут исчисляться миллиардами долларов. Так, в США 2020 г. считается самым «ударным» годом в истории финансовых штрафов по имеющему экстратерриториальное действие Закону о коррупционных практиках за рубежом (1977 г.)¹⁶: штрафы, взысканные американскими властями с корпораций, в том числе иностранных, составили 6,4 млрд долл. и более чем вдвое превысили показатель 2019 г. (2,9 млрд)¹⁷.

Отметим, что законы многих государств и международные договоры о правовой помощи запрещают или ограничивают оказание помощи иностранным государствам по уголовным, административным и иным делам, если в запрашиваемом государстве осуществляется судопроизводство по такому же делу. На это могут наслаиваться и проблемы невыдачи собственных граждан.

Очевидно, что возникает необходимость правового разрешения юрисдикционных коллизий. Антикоррупционные конвенции ООН (как Конвенция против транснациональной организованной преступности, так и Конвенция против коррупции) не обошли вниманием эту проблему.

Поскольку подробно сформулировать в универсальном международном договоре общие коллизионные правила практически невозможно, то был избран другой подход: заинтересованным государствам-участникам предлагается договариваться о взаимоприемлемом (зачастую компромиссном) разрешении юрисдикционных коллизий.

Согласно п. 5 ст. 42 Конвенции ООН против коррупции, «если государство-участник, осуществляющее свою юрисдикцию согласно п. 1 или 2 настоящей статьи, получает уведомление или иным образом узнает о том, что любые другие государства-участники осуществляют расследование, уголовное преследование или судебное разбирательство в связи с тем же деянием, компетентные органы этих государств-участников проводят, в надлежащих случаях, консультации друг с другом с целью координации своих действий».

Аналогичное положение содержится в п. 5 ст. 17 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности.

На наш взгляд, более актуальное положение, касающееся коллизии юрисдикций, содержится в п. 3 ст. 4 Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: «В случае если деяния, описанные в данной Конвенции, подпадают под юрисдикцию более чем одной стороны, эти стороны по запросу одной из них проводят консультации с целью определения наиболее подходящей юрисдикции для уголовного преследования».

¹⁶ URL: <https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-fraud/legacy/2012/11/14/fcpa-english.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).

Данный закон является одним из примеров так называемой юридической агрессии некоторых западных государств. Подробнее об этом законе см.: *Крестьянская Е. А.* FCPA — Закон США о коррупции за рубежом. Особенности и применение // URL: <http://www.complianceblog.ru/?p=63> (дата обращения: 15.07.2021).

¹⁷ Global Anti-Bribery Year-in-Review: 2020 Developments and Predictions for 2021. WilmerHale. January 28, 2021. P. 9.

Таким образом, в Конвенции ОЭСР предписывается заинтересованным государствам-участникам, обладающим конкурирующими юрисдикциями по одному и тому же делу, провести консультации, чтобы фактически определить государство, которое имеет лучшие правовые и иные возможности для достижения целей правосудия (например, нахождение подозреваемого или обвиняемого, доказательств, имущества, на которое могут быть обращены штрафные санкции и/или конфискация). При этом необходимо согласовать интересы этих государств, обеспечить защиту прав потерпевших, в том числе материального характера.

Предусмотренные в обеих конвенциях ООН «консультации друг с другом с целью координации своих действий» могут привести, например, не только к договоренности о применении такой эффективной формы взаимодействия заинтересованных государств в расследовании, как создание совместных оперативно-следственных бригад¹⁸, но и к «определению наиболее подходящей юрисдикции для уголовного преследования», о чем прямо говорится в Конвенции ОЭСР.

Однако достижение договоренности об определении наиболее подходящей юрисдикции подразумевает отказ государства (государств) от своей уголовной юрисдикции в пользу другого государства и (желательно) направление второму доказательственных материалов. Это требует наличия соответствующих полномочий

у компетентных органов (должностных лиц) государств-участников.

Президентом Российской Федерации определено, что для реализации положений п. 3 ст. 4 Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц органом, ответственным за проведение консультаций по определению наиболее подходящей юрисдикции для преследования за правонарушения, предусмотренные Конвенцией, является Генеральная прокуратура РФ¹⁹. В отношении антикоррупционных конвенций ООН такие решения не принимались.

Кроме того, полномочия Генеральной прокуратуры РФ для принятия в ходе таких консультаций решений, необходимых для разрешения коллизий уголовной юрисдикции, и их выполнения законодательно не установлены²⁰. При этом следует иметь в виду, что необходимость разрешения коллизии (конкуренции) норм об уголовной юрисдикции может возникнуть и в отношении других (некоррупционных) преступлений и без наличия договорной основы взаимодействия с зарубежными государствами (партнерами).

В связи с изложенным полагаем необходимым с учетом сравнительно широкой юрисдикции, установленной в Уголовном кодексе России и международных договорах Российской Федерации, и в целях более эффективного достижения целей правосудия ввести в уголовное право России институт разрешения коллизии (конкуренции) уголовной юрисдикции Российской Федерации и иностранных государств²¹, в том

¹⁸ В соответствии, например, со ст. 20 Второго дополнительного протокола 2001 г. к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Соглашением о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств (2015 г.).

¹⁹ См.: п. 1 «а» Указа Президента РФ от 13.02.2012 № 180 «Об органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // СЗ РФ. 2012. № 8. Ст. 986.

²⁰ За исключением могущих быть позднее полезными ст. 458 «Направление материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования» и 459 «Исполнение запросов об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации» УПК России, обеспечивающих выполнение договорных положений о передаче уголовного судопроизводства (например, Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г.).

²¹ А в перспективе, возможно, и в отношениях с международными уголовными судебными инстанциями.

числе с возможностью отказа от национальной уголовной юрисдикции (ее уступки) при определенных условиях, включая обеспечение прав потерпевших²².

Кроме того, при анализе ч. 1 ст. 12 УК РФ, согласно которой граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с Кодексом, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства, возникает вопрос: почему Россия должна в одностороннем порядке и безоговорочно признавать иностранные приговоры (как обвинительные, так и оправдательные)?²³ А ведь этот вопрос тесно связан с осуществлением правового суверенитета российского государства!²⁴

В связи с этим полагаем целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 12 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, если они привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации, а вынесенный в связи с этим преступлением обвинительный приговор суда иностранного государства или международного уголовного суда и отбытое наказание учитываются при назначении наказания». Что касается условия «привлечение к уголовной ответственности на территории Российской Федерации», то необходимо детально прописать соответствующие условия и процедуры в УПК России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации : монография / С. В. Борисов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2015. — 296 с.
2. Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С. 113–119.
3. Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. — 2011. — № 9. — С. 5–12.
4. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : монография : в 2 т. / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. Т. 1. — М. : Проспект, 2019. — 528 с.

²² Полагаем, что имеется также необходимость регламентации разрешения возможных коллизий и в вопросах об административной ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения, установленной во исполнение обязательств по антикоррупционным договорам Российской Федерации (ст. 19.28 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

²³ Ведь передача взятки может произойти вне пределов Российской Федерации, например в стране, где действует излишне либеральное (по сравнению с российским) законодательство.

²⁴ Отметим, что в Гражданском процессуальном кодексе РФ имеется глава 45 «Признание и исполнение решений иностранных судов и иностранных третейских судов (арбитражей)», а часть 1 содержащейся в ней ст. 409 устанавливает, что решения иностранных судов признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации.

5. Черепанова В. А. Международные антикоррупционные стандарты: классификация, оценка эффективности, дальнейшие перспективы развития // Аудитор. — 2017. — № 9. — С. 48–57.

Материал поступил в редакцию 15 июля 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antikorrupcionnye standarty Organizacii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya i ih realizaciya v Rossijskoj Federacii : monografiya / S. V. Borisov, A. A. Kashirkina, A. N. Morozov [i dr.] ; pod red. T. Ya. Habrievoj, A. V. Fedorova. — M. : IZiSP pri Pravitel'stve RF, 2015. — 296 s.
2. Mihajlov V. Stat'ya 20 Konvencii OON protiv korrupcii ob otvetstvennosti za nezakonnoe obogashchenie i vozmozhnye napravleniya otrazheniya ee idei v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii // Ugolovnoe pravo. — 2012. — № 2. — S. 113–119.
3. Naryshkin S. E., Habrieva T. Ya. Mekhanizm ocenki antikorrupcionnyh standartov GREKO (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) // Zhurnal rossijskogo prava. — 2011. — № 9. — S. 5–12.
4. Pravovye osnovy protivodejstviya korrupcii: mezhdunarodnye i nacional'nye standarty i iniciativy : monografiya : v 2 t. / pod obshch. red. T. Ya. Habrievoj, R. A. Kurbanova. T. 1. — M. : Prospekt, 2019. — 528 s.
5. Cherepanova V. A. Mezhdunarodnye antikorrupcionnye standarty: klassifikaciya, ocenka effektivnosti, dal'nejshie perspektivy razvitiya // Auditor. — 2017. — № 9. — S. 48–57.